

РОМАН ПОЛАНСКИ: ИГРА С ОГНЕМ

Романа Полански называли сатанистом, растлителем малолетних, распутным карликом, но к концу века он, несмотря ни на что, стал одним из самых признанных западных кинорежиссеров. «Ребенок Розмари» давно уже считается классикой, скандалы, основательно подпортившие репутацию Полански, забылись. Теперь к нему часто приходят журналисты, и на вопрос, что сильнее всего повлияло на его творчество, он отвечает — один июньский день 1942 года.

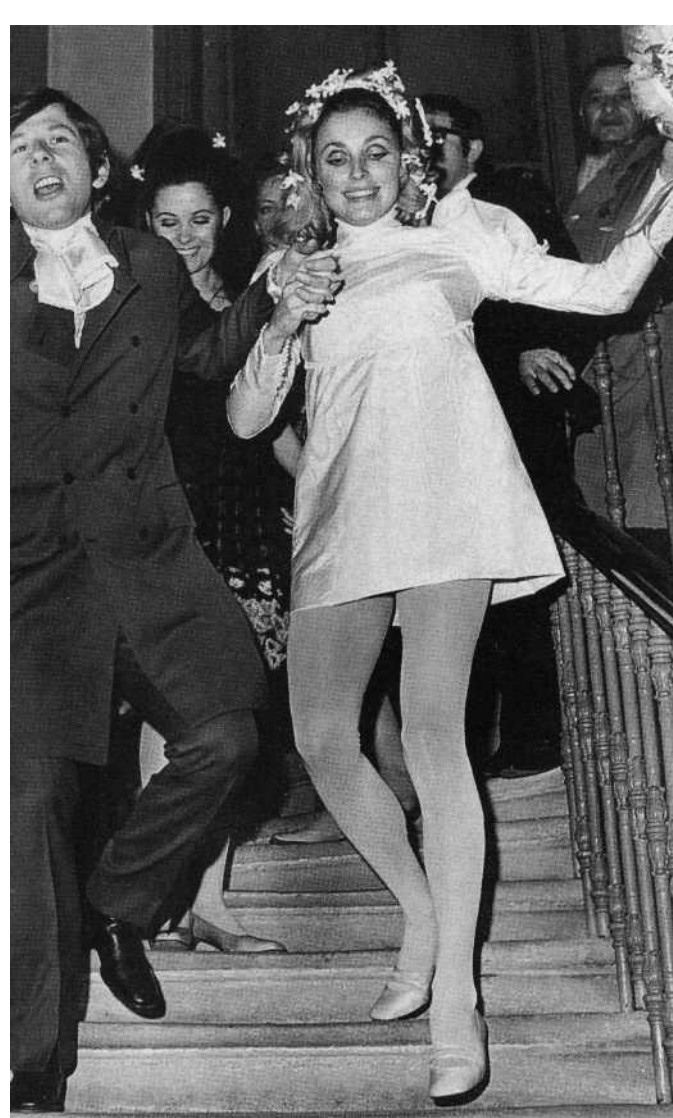
С первой женой Барбарой Квятковской (1960 г.)

Тогда ему было семь лет, он стоял и смотрел, как уводят людей, которые его любили и которые были частью его жизни, — в медленно шагающей толпе находились его отец и два дяди. Над краковской площадью Згода стоя-

ла странная тишина: все совершалось в полном молчании, и Ромеку Полански казалось, что он попал в страшный сон. Наконец тишину нарушил крик — от колонны отстала прихрамывающая растрепанная старуха. Женщина упала на колени, схватила за голову, заголосила, и невысокий человек в черном мундире выстрелил ей в голову из большого пистолета. Затем он спрятал оружие в кобуру, взглянул мальчику в лицо, показал язык, подмигнул, улыбнулся — и Ромек его узнал. Именно таким — черным, приземистым, одутловатым, высу-

нувшим длинный розовый язык, был черт, красовавшийся на олеографии, висевшей над кроватью няни. Приближался полдень, краковское гетто доживало последние часы.

Сначала им запретили держать дома запасы еды. Мать положила печенье в коробку с его игрушками, офицер, обшарив весь дом, нашел спрятанное и сперва громко кричал, а потом рассмеялся. Затем солдаты забрали всех женщин, и тогда отец разрезал нижний ряд колючей проволоки, отделявшей дом, где они теперь жили, от остальных на улице (охранник отлучился на несколько минут по малой нужде), мальчик выполз наружу — туда, где его ждала жизнь. Она была оплачена отцовскими долларами: в обмен на сбережения родителей пан Вилк, работавший привратником в их бывшем доме, обещал дать ему свое имя и кров. Мальчик бродил полдня по городу, пока снова не увидел отца: колонна выходила с площади, тот шел в третьем ряду слева. Отец

Он родился во Франции, и его родители были уверены, что Раймон — настоящее французское имя (чуть позже выяснилось, что французы такого не знают). А в Польше слово «Раймон» никто не мог выговорить, и Ромек Полански стал Романом, а потом Романом Вилком. .. По ночам ему снилась семья — мать, отец, целующая его в лоб бабушка (седой локон шечочет лоб, приторно-сладко пахнут французские духи), днем пан Вилк учил его колоть дрова, а пани Вилк мыть полы и молиться Богоматери.

Когда-то Ромек был тихим спокойным ребенком. Бабушка водила его на прогулки в матросском костюмчике и учила подавать нищим, мать говорила, что со взрослыми нельзя спорить. У Вилков же он превратился в чертенка — мальчишка шкодит, дерется, спекулирует сигаретами, ездит на трамвайной «колбасе», по вечерам пропадает в кино (тогда-то он и заболел им на всю жизнь). Пани Вилк после очередной жалобы возмущенно поднимает брови, пан Вилк собирается пустить в ход ремень. Его кузен, старый священник, перевидавший на своем веку всякое, успевает перехватить руку брата:

— Мальчик видел слишком много горя, и ему кажется, что от зла может защитить только зло. Все дело в том, что он боится быть добрым...

Гневно сопящий пан Вилк одной рукой поддержива-ет сползающие штаны, а другой пыгается водворить ремень обратно — мир восстановлен, но в их доме Ромек пробудет недолго. Через неделю свояченица пани Вилк отобрала у него жестяной барабан, в который он бил с самого утра, а потом выставила его на улицу вместе с игрушкой. Ромек обиделся и вставил спичку в звонок на двери Вилков — теперь звони не звони, ответа не будет! Его отправляют в деревню, к дальнему родственнику пану Бухале. (Ухажер свояченицы не смог попасть в

Чтобы выжить, Ромек стал грубым и сильным, он привык мыться один раз в три месяца, зимой и летом ходить без белья и носок

шепнул ему: «Убирайся!», в это время и раздался крик — от колонны отстала прихрамывающая растрепанная старуха...

В 1942 году для Ромека умер Бог, то, что случилось в этот теплый и ясный летний день, сделало из него знаменитого Полански, чьи фильмы, по словам критиков, были «отмечены черным юмором, цинизмом, атмосферой мастерски нагнетаемого ужаса и паранойи».

Этим же вечером трясущийся от ужаса, ничего не понимающий, смертельно уставший ребенок пришел к Вилкам. Они его приняли, уложили спать, и день подошел к концу. Мальчик из обеспеченной семьи превратился в бедняка, еврей — в католика, и с той поры Роман Полански никогда не мог объяснить, кто он, собственно, на самом деле.

дом, и женщина так разозлилась на мальчишку, что Вилки испугались, как бы она не выдала его немецкой полиции.)

А деревня жила впроголодь и не любила белокожих, не привыкших к тяжелой работе барчуков. Там, чтобы выжить, Ромеку необходимо было стать грубым и сильным, и он приспособливается к новой жизни. Мальчик привыкает мыться один раз в три месяца, зимой и летом ходит без белья и носок, ловит на себе вшей и пасет стадо. Деревенские мальчишки однажды бросили его в пруд, и он чуть было не распрощался с этим светом. Теперь мать снится ему по ночам все реже и реже: мир, в котором он оказался, не терпит расхлябанности, пустых мечтаний, здесь надо жить сегодняшним днем. Ромек так вживается в роль деревен-

ского мальчишки, что почти забывает о своем прошлом. Теперь есть только холод, голод и удары, в ответ на которые следует давать сдачи, разбредающееся стадо, огромная куча дров — если он не переколет ее до ужина, то его не накормят.

Война подходит к концу, и Вилки берут его обратно в Краков: теперь мальчик понимает, как надо вести се-

бя на mine сына, приятеля Ромека, и, проходя мимо, откидывает прикрывающую труп рогожку: «Ноги не хватает... Если найдешь, дай знать». Через неделю мальчик позвонил в соседскую дверь, под мышкой у него зажат длинный брезентовый сверток — окружающий Ромека мир был страшнее и абсурднее фильмов Романа Полански.

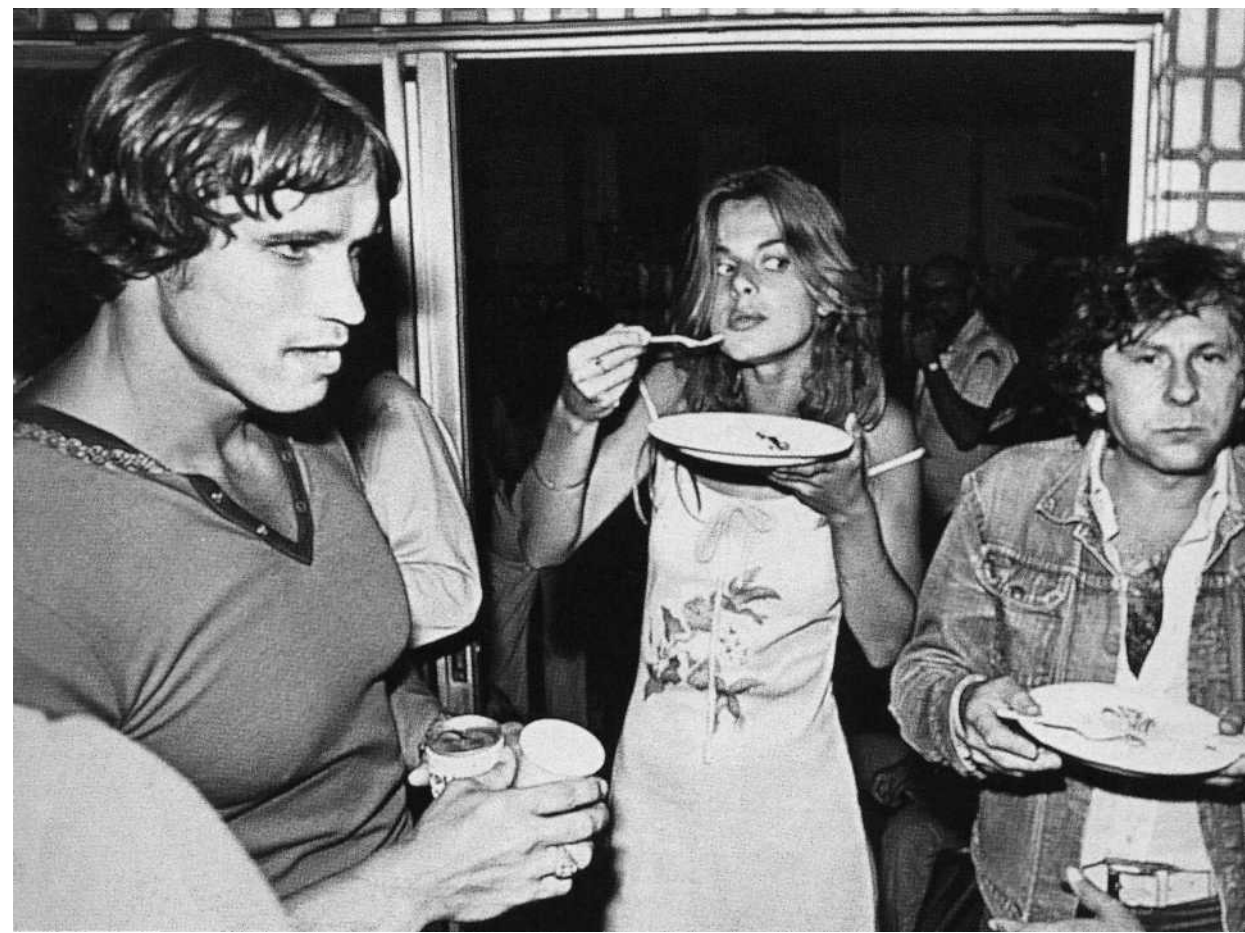
Полански начал играть с людьми в собственные игры, представляя себя то ли расшалившимся чертом, то ли дьяволом-искусителем

бя в доме. Ромека уже не пугают валяющиеся на улицах тела немецких солдат, ему не кажется диким то, что поляки мочатся на них и вставляют им между ног пустые бутылки. Роман Вилк завершил свое образование: теперь он принимает жизнь такой, как она есть, и наблюдает за ней во все глаза. Это пригодится ему в будущем, когда главным его делом станет кино. Сосед Вилков катит по улице тележку с телом подорвавшего-

Но пока что Ромек живет сегодняшним днем, все реже вспоминая прошлое, не думая о будущем, и не верит самому себе, когда вдруг из прихожей доносится голос отца — чудо все же произошло, им обоим удалось выжить! Мальчик бросился ему на шею, Вилки накрыли стол, отец усадил сына на колени...

Позднее Роман Полански говорил, что, ощутив на плече большую и теплую отцовскую руку, почувствовал

С Настасьей Кински

себя странно. Он не понимал, что с ним происходит, и, повзрослев, много раз возвращался к тому моменту, силась понять, что чувствовал сбитый с толку, затурканный мальчишка — возвращение отца вернуло его в прежний мир, где Ромека любили и баловали, но сам он уже стал другим.

Пережитое осталось с ним навсегда: он на всю жизнь усвоил, что выживает сильный, а зло всемогуще, но еле-

по, и его можно обмануть. Эта его убежденность умножилась на изощренное чувство юмора, и у маленького человека складывается непростой характер. В пятнадцать лет Роман Полански стал лучшим актером детского театра и известным краковским хулиганом. Он нагл, настырен и амбициозен; прекрасный артист, отличный лыжник, великолепный велосипедист, типичный стиляга — в ботинках на толстой подошве, клетчатом пид-

Барбара сказала «нет», но, взглянув Роману в глаза, поняла, что тот, кому она отказала, вот-вот упадет на землю и умрет от разрыва сердца

жаке с квадратными плечами и кепке на затылке. Для пушего форса внутрь кепки подложена газета, и после драк на мостовой остается множество обрывков — стилиаги любят махать кулаками и выясняют отношения по поводу и без него.

Ромеку угрожает армия, но он не собирается слушать никому, кроме самого себя. Для того чтобы спастись от призыва, любитель клетчатых пиджаков собрался бежать на Запад и был готов переплыть на каяке Балтийское море или спрятаться под потолком идущего в Германию международного экспресса. От армии ему удалось ускользнуть только потому, что рассеянный чиновник военкомата положил его бумаги не в ту папку.

Полански повезло и в другой раз: его, сына предпринимателя, человека, классово чуждого новой Польше, приняли в лодзинскую киношколу. Трудно понять, что происходило с ним в те годы и кем он себя ощущал (затравленный и отверженный мальчишка вырос и обнаружил, что в игре с судьбой ему везет), но в киношколе Полански начал играть с людьми в собственные игры, представляя себя то ли расшалившимся чертом, то ли дьяволом-искусителем. На первых курсах он, притаившись на стоявшем в углу университетского холла огромном шкафу, подстерегал студентов и, уловив момент, прыгал им на плечи. Его первый учебный фильм назывался «Разгоняем танцульку»: студенческую дискотеку разметали друзья начинающего режиссера — лодзинские хулиганы помяли студенткам прически и юбки, а студентов поколотили. (То, что это нехорошо, ему и в голову не приходит; на свет Божий появилась отличная лента, а чужие боль и испуг не заботят ее создателя.)

...Он маленький, крепко сбитый, язвительный и энергичный, у него появляются десять идей одновременно, никто другой не умеет так заговаривать зубы девушкам. Невинность Ромек потерял в семнадцать лет, когда отец уехал по делам и оставил ему квартиру. Молоденькая билетерша из окраинного кинотеатра умилялась его неопытностью, а уходя, стащила лежавшую на подзеркальнице серебряную пудреницу. Вскоре девушки пошли косяком: студентки актерского факультета, продавщицы, работницы с ткацкой фабрики и (Ромек

Такой женщины маленький поляк не встречал никогда: ему казалось, что от Шэрон исходит сияние

скоро превратился в звезду киношколы) восторгающеся его короткометражками любительницы кино. Он легко очаровывал их, а затем так же легко бросал — Роман Полански с удовольствием примерял на себя роль Дон Жуана: студенту Лодзинской киношколы нрави-

ку, и восемнадцатилетняя голубоглазая богиня идет вслед за ним в жалкую, кишасую тараканами гостиницу — и оставшиеся дни во Франции они проводят вместе.

...Барбара Квятковска считалась первой красавицей

«Я сделал карьеру на дьяволе, а сам в дьявола не верю. В зло — да, но не в Сатану. Я неверующий, для меня это детские сказки»

лось быть искусителем. Его подружкой становится чемпионка Польши по горным лыжам, великолепная Кика Леличинска.

Во время поездки во Францию нищий поляк, объясняющийся с иностранцами на пальцах, покоряет немецкую студентку. Он улыбается ей в Лувре, берет за ру-

среди молодых польских актрис, и он отчаянно влюбился в нее — девушка оказалась благоразумна и как рыба холодна, его обычные приемы на нее не действовали.

Но Роман Полански был не только режиссером, но и артистом, а талантливый актер свято верит в каждое

слово своей роли. Барбара сказала «нет», но, взглянув ему в глаза, поняла, что сейчас произойдет что-то ужасное — тот, кому она отказала, вот-вот упадет на землю и умрет от разрыва сердца. И Роман поднялся в ее комнату, остался там до утра, а вечером... перевез к ней свои вещи. Вскоре Барбара Квятковска стала его женой — счастья он ей не принес, но помог сделать актерскую карьеру. Это произошло быстро: ленты Полански попадают на Запад, уничтоженный польской критикой «Нож в воде» выдвигают на «Оскара» как лучший иностранный фильм 1963 года. Он едет в Париж, и Барбара отправляется вместе с ним. И он и она получают «открытые паспорта», оба начинают работать на Западе... И тут благоразумная женщина бросает его ради немо-

лодого, но благополучного итальянского киноактера, владельца римской квартиры, дома во Флоренции и солидного банковского счета. Роман Полански остается во Франции без жены и без денег.

Он боролся за профессию так, как борются за жизнь — заводил связи, выкладывался на съемочных площадках, экспериментировал... Его фильмы не всегда пользуются кассовым успехом, но профессионалы их ценят — Полански хвалит критика, продюсеры делают ему новые предложения. Он перебирается из дешевых гостиниц в хорошие отели, у него появляется собственная квартира в Париже, из «Пежо» пересаживается в «Мерседес». Вскоре им заинтересовался Голливуд, и его жизнь оказалась связанной с Соединенными

данных сект. Бешеной популярностью пользовался основатель Церкви Сатаны Антон Ла Вей — пожизненную членскую карточку его церкви можно было получить за сто долларов, «Сатанинская библия» стоила три доллара девянсто пять центов. Голливудские интеллектуалы считали Ла Вея выдающимся деятелем шоу-бизнеса, экстравагантным, но вполне безобидным, а сатанинская крещения и молитвы (алтарь изображала обнаженная красавица) — обычным аттракционом. В «Ребенке Розмари», фильме, который принес Роману Полански много денег и мировую славу, главный сатанист Америки сыграл роль дьявола: режиссеру были симпатичны черный юмор и скептицизм Ла Вея.

Полански снимал фильмы об абсолютном зле, Ла Вей превращал зло в шоу. И то и другое казалось Роману острой интеллектуальной игрой, ведь он никогда не принимал Сатану всерьез. Режиссер говорил об этом и тогда, и много лет спустя: «Я сделал карьеру на дьяволе, а сам в дьявола не верю. В зло — да, но не в Сатану. Я неверующий, для меня это детские сказки». Тем более это не волновало Полански в счастливом 1968 году — во время съемок «Бала вампиров» он познакомился с женщиной, которая стала его женой, а вскоре сообщила, что ждет ребенка.

В юности Шэрон Тейт выиграла несколько конкурсов красоты, а потом сделала блестящую карьеру в кино, но она совсем не походила на голливудскую звезду. Шэрон так и осталась девушкой из провинции, и Полански забавляла ее манера грызть ногти (он был убежден, что это выдает ее потаенную неуверенность в себе). Такой женщины маленький поляк не встречал никогда: ему казалось, что от Шэрон исходит сияние. Когда он был рядом с ней, терял значение весь его прошлый опыт. Ему хотелось сидеть возле нее и смотреть в глаза жены; друзья говорили, что его юмор стал гораздо мягче, а улыбка — не такой язвительной.

Шэрон была добрым и нежным, где-то закомплексованным и вместе с тем раскрепощенным человеком. Она оказалась большой домоседкой и отличной поварихой. Супруги начали принимать гостей, затем сняли дом... Когда жена была на восьмом месяце беременности, Полански отправился в Лондон. Они созванивались по несколько раз в день: роды должны были произойти через две-три недели...

А затем Роману (он собирался на званый ужин) позвонил друг — и с криками «Нет, нет!» Полански сполз на пол и стал биться головой о стену

Штатами: студия дала ему квартиру в Голливуде, он обзавелся новыми друзьями. Эта страна пришлась ему по вкусу.

В середине шестидесятых годов прежде патриархальная и благонравная Америка была тяжело больна: подходила к концу эпоха хиппи, наступала эра унаследовавших их символику банд мотоциклистов и моло-

А затем Полански (в это время тот как раз собирался на званый ужин) позвонил друг — и с криками «Нет, нет!» Роман сполз на пол и стал биться головой о стену.

Девятое августа 1969 года, восемь утра, суббота... Служанке бросились в глаза оборванные телефонные провода и кровь, просочившаяся из-под закрытой двери на дорогой итальянский кафель прихожей. Она от-

крыла дверь, ахнула и пронзительно завизжала. Через балку потолка была перекинута веревка — один конец захлестывал шею жены режиссера, другой стягивал горло ее бывшего жениха, голливудского парикмахера Джея Сейбринга. Ему нанесли двадцать ран, голову разозжили чем-то тяжелым; на Тейт были только лифчик и трусики — убийцы связали ей руки, а потом медленно, не торопясь, изрезали беременную женщину ножом. В саду нашли изуродованное тело друга Полански, поль-

Алиби у Полански оказалось безупречным (во время убийства его не было в стране), но полиция проверила все его связи. Репортеры в это время писали, что убийцы отрезали миссис Тейт левую грудь, вырезали ей на животе крест и вынули из него ребенка — газеты создавали собственный фильм ужасов.

Роман Полански всю жизнь имел дело с абсолютным злом: в детстве он от него спасался, повзрослев, сделал его героем своих фильмов. Он чувствовал, что зло все

На двери огромными буквами было начертано слово «СВИНЬИ» — экспертиза установила, что буквы выведены кровью хозяйки дома

ского эмигранта Войцеха Фриковского, его подруга, дочь миллионера Абигайль Фолджер, лежала рядом с перерезанным горлом. Там же полиция обнаружила и восемнадцатилетнего Стивена Парента, уткнувшегося лицом в руль своей машины, — его убили выстрелом в висок. На двери дома огромными неровными бурами буквами было начертано слово «СВИНЬИ» — полицейская экспертиза установила, что буквы выведены кровью хозяйки дома.

время бродит рядом, он привык к нему и научился над ним смеяться, иногда и сам изображал черта... Полански не верил в дьявола, но тот все же искалечил его жизнь: после убийства жены ему ни разу не удалось выговорить слова молитвы.

Убийцу он увидел в суде — тот был невысок ростом, хилват и совсем не походил на злодея. Маленький человечек в черной рубашке взглянул режиссеру в глаза, улыбнулся, высунул язык — и Полански вспомнил 1942

9 августа 1969 г., Бель-Эйр, Калифорния. Эксперты осматривают виллу, где банда Мэнсона накануне устроила кровавую резню

год, краковскую площадь и колонну обреченных на смерть людей.

В убийце и в самом деле не было ничего значительного. Мелкий воришка и неудачливый рок-певец, появившийся на свет за решеткой, создал собственную секту и стал ее мессией — приверженцы Мэнсона Мэддокса воровали и готовы были перерезать горло любому по одному его слову.

...Мэнсон тоже мечтал о славе — ему хотелось стать знаменитым рок-певцом. Он был так же агрессивен и амбициозен, как Полански, а вот таланта у него было немного, и он старался выделиться где только мог. В тюрьме в его судьбе принял участие старый зек, научивший его играть на гитаре. Там же Мэнсон сочинил пару песен, а выйдя на волю, отправился в Калифорнию —

нимаются любовью у его ног. Это символ поклонения новому Христу (они-то знают, что Manson значит man son — «сын человеческий»), их бог требует от них все новых и новых свидетельств верности.

Он учит их воровать — по ночам они забираются в богатые дома и, неслышно ступая, забирают самые ценные вещи. Он велит убивать — зарезан и расчленен усомнившийся в его правоте сектант, распотрошен один из воротил калифорнийского шоу-бизнеса, шустро приторговывавший наркотиками и кинувший «бога» во время одной из сделок: ему выпустили кишки, отрубили руки, перерезали горло. Домой компания вернулась в лучезарном настроении, на разные голоса распевая последние слова умирающего (тот, захлебываясь кровавой пеной, хрипел: «Я хочу жить!..») Следующими должны стать обитатели богатого дома на Бенедиктканьон, друзья голливудского продюсера Мелчера, обидевшего их «бога». О том, что здесь живет Шэррон Тейт, Мэддокс и его люди не подозревают...

Полански мог бы придумать Мэнсона — сцена убийства с ее рваным ритмом и последовательным нагнетанием ужаса вполне отвечала стилистике его фильмов. Получившие от Мэнсона напутствие, три больших ножа и «кольт» две женщины (среди них была и «сатанинская ведьма» Ла Вея) и мужчина проникают за ограду и убивают юного Парента. Затем они забираются в дом, здороваются с ничего не понимающей Фолджер и спускаются в гостиную. Там все трое достают из карманов ножи. .. Поначалу никто из присутствующих не обратил на них особого внимания — здесь постоянно появлялись малознакомые люди. К тому же гости Шэррон Тейт были слегка не в себе: все они, кроме хозяйки дома, находились под героином, а Фриковский считался одним из са-

По ночам голого Мэнсона привязывали к кресту и ученики занимались любовью у его ног — это был символ поклонения новому Христу

рай для хиппи, наркоманов и начинающих певцов. В конце шестидесятых годов туда же перебрался Роман Полански. Он добился всего, а Мэнсон Мэддокс потерпел полный крах. Но Мэнсон не собирался мириться с тем, что он — бездарность и неудачник: певец из него не вышел, что ж, он станет мессией.

Его тоже любят женщины: тихая библиотекарша, у которой до него не было мужчин; убежавшая от родителей малолетка; бывшая стриптизерша; недоучившаяся студентка... Неудачник Мэддокс собирает гарем из тех, кто оказался на обочине, вслед за женщинами приходят мужчины, и он становится их вождем и учителем. Они перехватывают деньги то там, то здесь, а Мэнсон руководит ими, распределяя секс и наркотики. Лидер честолюбив, у него появляется своя философия.

По ночам голого Мэнсона привязывают к кресту, и ученики, многие из которых прошли школу Ла Вей, за-

рых известных торговцев наркотиками в Калифорнии. Но Фриковский был мертв, а Полански жив, и газетчики вцепились в него мертвой хваткой: ведь он снимал странные нехристианские фильмы и к тому же был иностранцем. Некоторые даже называли Мэнсона чудовищной тенью знаменитого режиссера: один — талантливый и везучий человек, второй — ничтожество и неудачник, но оба считали, что им позволено все... Полански не обращал внимания на газетную болтовню — свободный человек должен быть выше того, что о нем говорят.

Глубокая депрессия после смерти жены, боль и отупление, нежелание снимать — это было естественно, ведь он так любил Шэррон. Работа над номером «Vogue», который ему предложили редактировать, и роман с пятнадцатилетней фотомodelью Настасьей Кински — за этим не было предательства, просто ему хотелось отвлечься. А потом появилась юная Сандра, тринадцатилет-

летняя калифорнийская Лолита с крепкими ножками, пухлыми губами и взглядом лани, и он так и не смог понять, что же между ними произошло...

Ему присоветовали новую натурщицу, которая украсила бы его выпуск «Vogue»: первое знакомство и разговор с ее родителями, пробная съемка (его считали отличным фотографом) и ничего не значащая болтовня по дороге домой. На следующий день он решил снять ее

влияя ее голову во время съемки, рука скользнула вниз, и через мгновение они очутились на кафельном полу...

Так о произошедшем рассказывал Роман Полански — от частых повторений история казалась все более убедительной, и он сам поверил в каждую деталь.

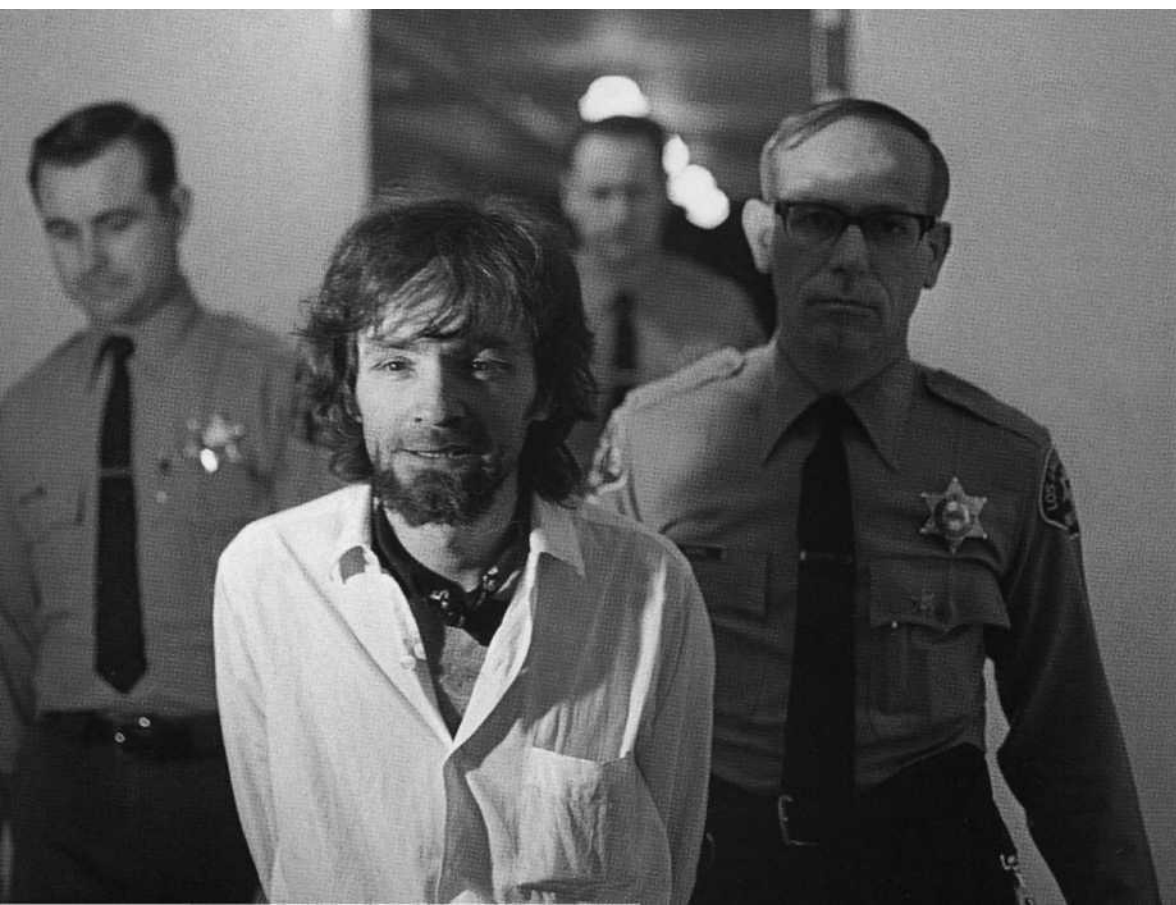
У газетчиков было свое мнение: поляк напоил несовершеннолетнюю американку, дал ей наркотик и овладел девочкой на полу возле бассейна.

У газетчиков было свое мнение: поляк напоил несовершеннолетнюю американку, накачал ее наркотиками, а затем изнасиловал

у бассейна в доме друзей, и его удивило, что девушка сняла кофточку прямо при нем, а затем принялась стягивать джинсы, под которыми ничего не было. Перед этим она говорила о школе, потом ни с того ни с сего рассказала, как потеряла девственность — это произошло, когда ей было восемь лет, и не произвело на нее особого впечатления. Он коснулся девушки, попра-

У судь Риттенбэрна, слушавшего дело о спаивании несовершеннолетней, совершении распутного действия, незаконном половом сношении, извращении, педофилии и изнасиловании под воздействием наркотиков, эта история вызывала большие сомнения. Он отправил Полански в тюрьму на девяностодневное психиатрическое обследование.

Мэнсона Мэддокса Роман увидел в суде — тот был невысок ростом, хилват и совсем не походил на злодея

В 1989 году на съемках «Неистового» он познакомился с молодой девушкой. Эммануэль Бенье, казалось, была новым воплощением Шэрон

Камера — три на два метра, три глухие стены, лежанка, столик, унитаз и решетка с четвертой стороны. Коридор, по которому его ввели на свидания с адвокатом, раз в неделю душ, тюремные обеды — от запаха плавающей в жидкой подливке свинины заключенного начинало мутить. Единственным развлечением были визиты к психиатру — тот без конца курил и задавал за-

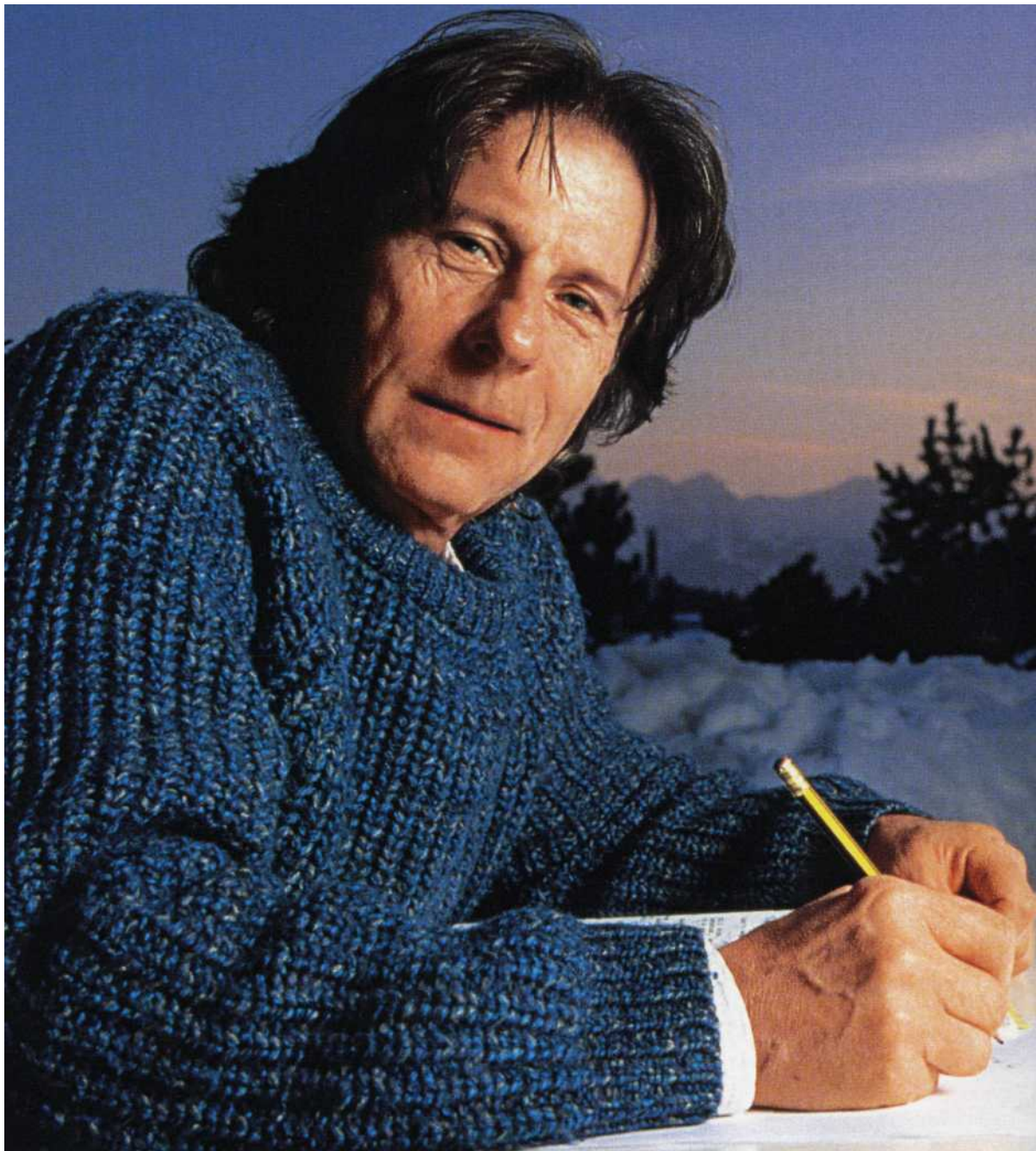
вал сигаретный дым, человек в белом халате слушал, человек в серой робе говорил...

Полански рассказал и о площади Згоды, и о трупах на улицах Кракова, и о том, что за фильм «Разгоняем танцульку» его чуть было не отчислили из Лодзинской киношколы. Но о многом Полански умолчал: сразу после смерти Шэрон он укрылся в Швейцарии, в этой стра-

Виза была аннулирована, в США Полански ждал суд, и ему никогда не удалось бы объяснить присяжным, чего ради он пустился в бег

бавные вопросы. В самом начале он попросил нарисовать две фигуры, мужскую и женскую, и Полански, выпускник Краковской школы изящных искусств, с удовольствием набросал обнаженные торсы — узнав об этом, его адвокат долго качал головой. Психиатр хотел знать обо всем, и заключенный рассказывал ему о своем прошлом. Под потолком крутился вентилятор, пла-

не много пансионатов, где учатся молоденькие прелестные девочки, они были готовы утешить знаменитого режиссера. В полночь он обычно осторожно подъезжал к торцу старого дома с высоким резным фронтоном, и из окна спортзала выскакивало юное существо: чтобы обмануть надзирательницу, девочки натягивали ночные рубахи поверх лыжных костюмов. Он увозил ее к

себе — там был и потрескивающий камин, и старое виски, налитое в резной хрустальный графин, и долгие разговоры... Ничего этого врач не услышал, но собеседник был ему ясен и так.

Доктор видел, что тот считает себя выше обычных, установленных для рядовых людей правил. Ему казалось, что после потрясения, связанного с позорным судебным процессом и тюрьмой, Роман Полански может стать другим человеком. А еще психиатр думал, что режиссер так и не решится пойти на суд.

Вероятность обвинительного приговора была невелика — дельный адвокат сумел бы покопаться в про-

шлом девушки и убедить присяжных в том, что она не святая. Но Полански не осмелится взглянуть в глаза Сандре и ее родителям и выдержать перекрестный допрос — выпускник арканзасского мединститута перевидал многих обвиняемых и был уверен, что этот человек махнет рукой на залог.

Риттенбэрн сразу невзлюбил подсудимого (Полански поругивали в клубе, членом которого судья состоял), предварительные слушания он провел очень жестко. И режиссер купил билет на самолет до Парижа: долгий перелет через Атлантику, аэропорт Ле Бурже и трехзвездочная гостиница, чтобы его не нашли журнали-

лански не снимал несколько лет: он разлюбил то, что делал раньше.

Ему предстояло начать новую жизнь, и она заранее не вызывала у него восторга. Теперь он был «тем самым Полански», на киношных приемах его разглядывали, как необычного и опасного зверя. А в остальном все постепенно налаживалось: он много работал в театре и ставил спектакли по всему миру: «Амадей» в Кракове, «Бал вампиров» — в Вене... Годы шли, седели волосы, походка становилась не такой быстрой, юмор — горьким. Он снова стал снимать, и его фильмы по-прежнему вызывали всеобщий интерес. Полански пользовался успехом у женщин, но они уже не увлекали его, как прежде. О том, что он тогда чувствовал, Полански проговорился несколько лет спустя: «Казалось, что меня принимают за распутного старого карлика».

Чудо произошло в 1989 году. На съемках «Неистового» он познакомился с молодой девушкой, и ему показалось, что от нее исходит сияние. Ей было чуть за двадцать, ему — за пятьдесят. В том же году они поженились, и она родила ему дочь. Эммануэль Сенье удивительно напоминала ему Шэрон. Она так же доброжелательна и спокойна, ей тоже нравилось обихаживать дом и мужа и кормить его вкусными обедами. Через семь лет у него появился сын, к этому времени бывший плейбой стал другим человеком. Эммануэль посмеивалась над мужем: «Лучше всего тебе удаются истории про вампиров, дьявола и прочие темные стороны жизни». Никому бы теперь и в голову не пришло обвинить его в сатанизме. Бог весть, удалось ли ему «возлюбить ближнего», но собственных близких Роман Полански полюбил — смыслом его жизни стали жена и дети.

А те, с кем много лет назад пересекся путь Полански, по-прежнему свято верили в зло. Отбывающий пожизненный срок, облысевший и обрюзгший в камере Мэнсон грозил миру атомной катастрофой и войной рас, и тюремный психиатр прилежно записывал его пророчества на магнитофон:

— Я оставался ребенком, пока ваш мир вырос. И после этого я смотрю на то, как вы живете, и не понимаю вас. Вы едите мясо и убиваете тех, кто лучше вас, а потом говорите, что ваши дети плохие, что они убийцы. Это вы сделали их такими... Дети, которые приходят к вам с ножом, — это ваши дети.

Но в девяностые годы дела у дьявола шли плохо — о

В том же году они поженились. Эммануэль родила ему дочь, а через семь лет — сына. К этому времени бывший плейбой стал другим человеком

сты. Американская виза была аннулирована, в США его ждал суд, и ему никогда не удалось бы объяснить приносящим, чего ради он пустился в бег. Но самым страшным оказалось то, что Голливуд вычеркнул его имя из списков живых. Выбравшись из Америки, Роман По-

Мэнсоне Мэддоксе забыли решительно все, а главный сатанист Америки Антон Ла Вей, сколотивший на своих «Сатанинских Библиях» большое состояние, умер после того, как его любимый сын обратился в христианство.

Алекс Макдермотт